

Глава 3. Горная круча Ваньшуйцянь. Начало

На прежнем месте осталась лишь молодежь.

Сун Юйчжи высоко поднял брови:

-Три года тому назад женщина-воин Цай покинула этот мир, и мой отец вместе с моим старшим братом отправились почтить память покойной.

Подразумевался вопрос - почему ты притворяешься, что никогда не встречала отца Суна?

Цай Чжао серьезно ответила:

- Когда моя тетя скончалась, у меня была высокая температура, и я была прикована к постели более полумесяца. Я даже не попала на похороны тети и не видела гостей, пришедших выразить свои соболезнования.

Сун Юйчжи на самом деле был очень искренним, он немного подумал и продолжил:

- Когда-то женщина-воин Цай предотвратила беду, спасала людей, попавших в тяжелое положение, и не полагала, что покинет этот мир в расцвете сил, и это очень прискорбно.

Цай Чжао ничего не сказала и отвернулась.

У Сун Маочжи лопнуло терпение:

- Мой отец - глава клана Гуантяньмэнь, а ты еще маленькая, но только что говорила так грубо! Не понимаю, кто тебя такому научил! - его совсем не интересовало, насколько была велика жертва Цай Пиншу миру боевых искусств.

- Моя тетя научила меня, - сказала Цай Чжао. - Я с самого рождения воспитывалась тетей, она говорила, что в этом мире слишком много правил, и иметь совесть важнее в сравнении с какими-то правилами. Пока у вас есть совесть, существуют ли правила или нет - это всего лишь мелочь.

Сун Маочжи был в ярости:

-Ты сказала, что у меня нет совести!

Цай Чжао была удивлена:

-Нет, нет, как такое возможно? Я лишь предположила, что второй молодой господин Сун не соблюдает правила приличия.

Все:

-...

Сун Маочжи был в ярости:

-Что ты сказала?!

Цай Чжао указала на небольшую каменную табличку, наполовину спрятанную в траве:

- На табличке четко написано: «В этом месте просим гостя остановиться и сойти с лошади». Глава клана Сун заблаговременно спустился с паланкина, а второй молодой господин все еще на коне.

Сун Маочжи поперхнулся и заревел:

-Мой отец и глава Ци имеют взаимные братские чувства, они не обращают внимание на всю эту волокиту...

- Моя тетья и глава Ци были побратимами, но мои родители не держатся высокомерно, - заткнула его своей фразой Цай Чжао.

Из-за того, что несколько поколений в школе Цинцюэ были как на подбор выдающимися личностями и не обращали внимания на мелочи, то правила на каменной табличке уже несколько десятилетий строго не придерживались, вот только все это Сун Маочжи не мог сказать напрямую.

-...Глава Ци по натуре снисходительный человек, как он может маяться пустяками!

- Так нельзя говорить. Если бы второй молодой господин пришел в лавку моей семьи, а владелец ее сказал бы: «Второй молодой господин навестил мое скромное жилище, и оно озарилось светом, это редкая удача!». Неужто второй молодой господин, приняв бы это за чистую монету, ушел бы с товаром, не заплатив за него? Мой будущий наставник лишь вежлив, не стоит его благодарить, но может ли гость так обнаглеть? Возможно ли обмануть достойного человека? - Цай Чжао показалось, что второй молодой господин Сун не слишком честный человек.

Сун Юйчжи, стоявший сбоку, только прищурился, присматриваясь к Цай Чжао.

Молодой барышне - пятнадцать лет, она родилась с черными волосами и белоснежной кожей, у нее нежный взгляд зеленых глаз, но, как нарочно, она притворяется, важничая и выражаясь при этом праведными словами, тем самым вызывая труднообъяснимый всплеск смеха.

-Это тебя не касается! - Сун Маочжи от волнения не мог найти нужных слов.

Цай Чжао чувствовала, что второй молодой господин Сун был не только злым, но и способности у него были не фонтан:

- Второй молодой господин Сун, я в замешательстве от ваших слов. Через несколько дней я намереваюсь поклониться своему наставнику - это моя будущая школа, мои будущие правила,

мой будущий наставник, почему же это не мое дело?

-А то и значит! Ты еще не стала ученицей школы Цинцюэ!

-Второй молодой господин снова несет чушь. Если ты видишь, как твоя будущая невестка пьет в обществе проститутки, разве ты будешь думать, что она еще не вышла замуж и это не твое дело?

-Статус определен, не хватает только свадебной церемонии, как это может быть похоже?!

-Мой статус тоже определен. Старейшины с обеих сторон уже несколько лет обмениваются письмами, и все улажено. Осталась только церемония. Так какая разница?

-Ты, ты... - Сун Маочжи трясся от злости в седле и чуть ли не выпал из него в бешенстве.

Малыш Цай Хань имел очень ученый ум, но, выражая несогласие с ней, он сказал:

-Старшая сестрица, почему же женщина пьет вино в обществе проститутки? Я слышал, как дядя Даоба из Хоушаня говорил, что только мужчины могут гулять в цветочных домах и пить вино в обществе проституток.

Цай Чжао с любовью коснулась его головы:

-Дядя Даоба из Хоушаня - честный человек. Прежде он скитался по белу свету, и в то время он, понятное дело, убивал людей, дрался, грабил, время от времени вырезал целые семьи, но в действительности же он весьма прост и правдив. В мире очень много того, что ему неясно, по правде говоря, если хочешь, то можешь пить в обществе проституток, будь ты мужчина или женщина, или же быть человеком, выглядящим и как женщина и как мужчина, можешь даже быть или полумужчиной или полуженщиной - это совсем не существенно.

Малыш Цай Хань издал тоненький возглас - похоже, он только что получил очередное наставление!

Скромный и правдивый...

По-настоящему правдивый...

Правдивый...

Простой...

Порыв ветра поднял листву и закружил ее в воздухе, а стоявшие на том же месте ученики не могли найти слов:

-...

Глаза Сун Маочжи были готовы вылезти из орбит от злости:

-Кто бы мог подумать, что ваша семья Цай покрывает всякую гадость и нечисть, укрывать творящих зло людей...

-Второй старший брат! - Сун Юйчжи быстро остановил своего старшего брата, чтобы тот не продолжал и дальше смущать себя: - Шимэй Цай, должно быть, говорила о бродяге с фиолетовым шрамом на лице, который одной ладонью мог решить все - о Сунь Динчжоу. Этот человек несмотря на то, что промышлял грабежом, грабил только тех, кто добыл нечестным путем свое богатство, и хотя убивал людей, но только тех, кто совершил чудовищные злодеяния.

Цай Чжао коснулась головы младшего брата и продолжила его поучать:

-Сяо Хань, обязательно запомни на будущее, если не понимаешь, как обстоит дело на самом деле, имей терпение. Не нужно вылупливать глаза от злости понапрасну, вызывая этим смех у окружающих.

Цай Хань с готовностью кивнул, Сун Маочжи же от злости готов был выйти из себя, и Сун Юйчжи срочно пришлось менять тему разговора.

-Семья, о которой упоминала шимэй Цай, что была убита, должно быть, это род Цю из Шичуаня. Этот инцидент был сенсацией в свое время. Пять братьев Цю и их банды были приверженцами крайней гнусности, а их злые поступки достигли пределов, они насильствовали, грабили и калечили простой народ. Чтобы обеспечить безопасность крепости, в ней не оставляли женщин и детей, а женщины, похищенные ради их удовольствия, жили не более двух дней.

Когда Сун Юйчжи говорил, все ученики вокруг внимали в тишине.

Сун Юйчжи продолжил:

- В то время бывший лидер чицай-шимо противостоял линии Бэйчен. Никто с обеих сторон не осмелился действовать опрометчиво. Если бы великий воин Сунь, рискуя жизнью, не разрушил бы крепость и не уничтожил воров, местные жители бы еще долго страдали... Второй старший брат, тебе лучше спешиться.

Сун Маочжи был ошеломлен и бессознательно соскользнул с седла.

Сун Юйчжи повернул голову и серьезно посмотрел на Цай Чжао:

-Не пойманный бродяга с фиолетовым шрамом на лице исчез более десяти лет назад, и никто не знал о его местонахождении, оказывается, что с самого начала он прятался в долине Лоин...

Цай Чжао вздохнула:

-Дядя Даоба убил так много злых людей, поэтому, естественно, у него было много врагов. Когда отец привез его обратно в долину Лоин, он был весь в ранах и на последнем издыхании.

Мне тогда было всего пять или шесть лет, и мы часто болтали с ним о том и о сем.

Сун Сючжи, который все время молчал, сказал тихим голосом:

-Я часто слышу, как люди говорят о великом воине Сунь, но я не ожидал, что великий воин Сунь удалился от мирских дел, старые друзья вспоминают о нем.

Цай Чжао спокойно сказала:

-Как-то раз дядя Даоба напился, и он мне рассказывал среди прочего, что ныне у него нет ни жены, ни детей, нет родителей, и он не имеет врагов. Что же касается друзей, то остались ли они у него или нет - ему все равно.

От мрачности и одиночества этих слов по спинам пробежал холодок.

Удивительно, но Сун Маочжи, очень редко не придиравшийся к пустякам, без слов передал слуге хлыст, усыпанный жемчугом, и отошел в сторону со своей свитой, выпрямившись, он стоял молча. В глазах Сун Сючжи читалась жалость, но он не смел перебивать, вставляя свое слово.

-Раз уж великий воин Сунь хотел уединиться от мира, скрывшись в долине Лоин, зачем же ты рассказала об этом? - Сун Юйчжи сделал несколько шагов ближе, и его красивые глаза стали ясными, как холодная луна.

Цай Чжао спокойно сказала:

-В этом нет никакого умысла. Два года назад дядя Даоба из-за повторного рецидива, вызванного старыми ранами, скончался.

Это и есть Цзянху - будет ли у твоей жизни хороший конец или нет не зависит от того, добрый ты человек или плохой, потому Цао Чжай не была даже на немного увлечена этим миром.

Сун Юйчжи бесстрастно слушал и в то же время спокойно смотрел на Цай Чжао.

Нефритовая шпилька и еще одна, вставленная под углом, декоративная шпилька для волос, маленький серебряный гребень в виде полумесяца, платье с длинными рукавами из шелка-сырца и платье с короткими рукавами поверх (такие обычно носили женщины, прислуживающие во дворце), легкие длинные рукава развеваются на ветру, по краю широкой тюлевой темной юбки прикреплены изящные талисманы из розового нефрита от злых духов, похожие по форме на крохотных круглых... котиков? Он не мог поверить. Дремлющих?..

Очень хорошо, просто отлично, так это и есть та, кого так жаждал заполучить его учитель и которая вот-вот станет самой младшей ученицей. Слухи передают, что она прилежная и воспитанная, эта маленькая шимэй, но оказывается, старшим можно верить только наполовину.

В это время на скале послышался шум, и Цзэн Далоу громко сказал:

-Пожалуйста, семьи Сун и Цай, все ученики, приготовьтесь, чтобы не сорваться с обрыва.

В какой-то момент с дальней горы слетели две тяжелые цепи, и Цай Чжао увидела, как ученики школы, легкие как ласточки, прыгали и передвигались на нескольких металлических канатах, быстро раскладывая прямоугольные черные железные пластины. Сбоку каждой пластины и внизу имелись скрытые зацепы, по бокам они были попарно скреплены с соседними пластинами, а нижняя часть прочно держалась стальным канатом, чтобы предотвратить скольжение.

Под шелканье закрывающихся замков на отвесную скалу выдвинулся ровный подвесной мост. Цай Чжао раньше всегда недоумевала, как могла пересечь пропасть конная повозка? Теперь она знала.

-Когда мы только прибыли сюда, на скалу были переброшены только четыре каната. Теперь прибыл глава Сун, мало того, что были переброшены еще четыре каната, но также были постелены железные пластины для повозки. Отец, мама, уж не презирает ли Ваньшуйцянь долину Лоин, может, нам вернуться назад? - искренне стараясь навредить, сказала Цай Чжао.

Цай Пинчун и Нин Сяофэн даже не удосужились обратить на нее внимание.

Повозка медленно двигалась между парящими в воздухе скалами. Пропась под ее ногами, как говорили, была наполнена ловушками, ядовитым туманом и миазмами, оставшимися от войны между бессмертными и демонами, еще никто не выжил при падении в ущелье.

Повозка катилась вперед по пластинам, издавая жуткие и резкие звуки трения, будто пластины царапали ногтями. Нин Сяофэн была недовольна:

-Можно же обойтись всего несколькими шагами по железному канату, но Сун настоял на том, чтобы пустить пыль в глаза.

Цай Хань был удивлен:

-Мама, ты так хорошо владеешь цингуном!

Лицо Нин Сяофэн покраснело, что бывало редко:

- Разве здесь нет твоего отца? Твой отец перенес бы меня туда, - ее навыки боевых искусств были посредственными с детства, и она никогда усердно не трудилась над ними.

-Я тоже плохо владею цингуном, - малыш Цай Хань вздохнул как взрослый: - Отцу следовало бы меня отнести туда.

Цай Чжао усмехнулась:

-Твой цингун плох? Ты владеешь цингуном?

Этот дрыщ продолжал вздыхать:

-Я знаю, что старшая сестра недовольна, потому я не буду ссориться со старшей сестрой. Но, отец, старшая сестра в самом деле будет здесь три года? Если А-Хэй и А-Гоу будут издеваться надо мной, кто же будет запугивать их?

Услышав эти слова, Цай Чжао сильно расстроилась и горестно вздохнула.

Нин Сяофэн сердито сказала:

-Твой отец - хозяин долины Лоин, и это его ребенок будет бояться и бежать отовсюду? Ты не боишься осрамиться перед посторонними?

Цай Чжао быстро положила руку на голову младшего брата:

-Это потому что Сяо Хань общительный, и не было такого, чтобы он выставлял себя сыном хозяина долины, именно поэтому дети хотят играть с ним. Тетя рассказывала, что отец в детстве тоже был наивным, легко идущим на компромисс малышом, не знаю, насколько надежным он будет, когда вырастет!

-Пока Сяо Хань хотя бы наполовину хорош, как твой отец, я буду благодарна небесам! - Нин Сяофэн мягко похвалила своего мужа.

Малыш Цай Хань прислонился к старшей сестре, Цай Чжао крепко обняла свою булочку, а затем страдальчески сказала:

-Отец, а мне никак нельзя избежать церемонии поклонения наставнику? Я вообще-то тоже не стремлюсь быть женщиной-воином...

Нин Сяофэн взяла на себя инициативу и сказала:

-Разве кто-то ожидает, что ты станешь женщиной-воином? Это все лишь для того, чтобы помешать тебе стать ведьмой.

Цай Чжао нахмурила свои изящные брови:

-Отец, мама, вчера вы видели городок под горой. В каждой открытой лавке напоказ выставлялось только высокомерие, которого было больше, чем в состязаниях мастеров боевых искусств! Понимаю, конечно, что это была лавка косметики, но если бы я не видела надпись, то приняла бы ее за лавку похоронных принадлежностей. Ах, это неправильно, ведь в нашем городе в долине Лоин даже продавцы гробов, видя посетителя, приветствуют его, как если бы они встречали гостей на свадьбе.

Нин Сяофэн зашипела.

Цай Пинчун беспомощно сказал:

-...пожалуй, но не обязательно это приятно, - открыв дверь в магазин похоронных принадлежностей и увидев перед собой охваченных радостным волнением, улыбающихся людей, приветствующих тебя, разве это не пугало бы?..

Цай Чжао обняла своих родителей и сказала:

-Весь поселок такой, а время на горе Цзюли будет совершенно безрадостным. В отличие от нашего города, где есть все, что мы хотим. Если следовать по дороге от ворот, где слепой предсказывает судьбу, и идти на запад, то можно попробовать жареные булочки, вонтоны из ласточкина гнезда, сахарные рулетики, баоцзы с мясом на пару, блинчики со сливами, пельмени с хрустальным супом из креветок, жареные пельмени с бараниной, мраморное мясо под соевым соусом, сладкий рисовый суп... Я могла каждый день в течение месяца есть разные блюда утром, даже ночью после третьей стражи я могла поужинать... в отличие от этого места...

Все это было произнесено непреднамеренно, и у малыша Цай Ханя чуть не потекла слюна.

На лице Цай Чжао было презрение:

-Пусть тут я даже стану талантливой и смелой, и буду ходить по стальным канатам, спускаясь с горы, лучшее, что я могу ожидать - пустую водянистую похлебку без мяса и жира, которую мне сможет предложить тот нахальный рябой парень! И в ней нет даже грамма зеленого лука!

-Да, да, - малыш Цай Хань тоже был очень зол.

-И в вонтонах, вопреки ожиданию не было мелко нарезанного зеленого лука! Возмутительно, что в мире существует такая нелепая вещь, - на лице маленькой барышни Цай Чжао было непостижимое выражение, пожалуй, она бы больше удивилась только, если бы солнце вошло на западе.

Нин Сяофэн отвернулась с улыбкой, а хозяин долины Цай безнадежно вздохнул:

-Чжао Чжао, подумай о дяде Даоба из Хоушаня. В городе Цинцюэ на самом же деле все тоже самое. Продавец, торгующий пудрой, лавка с лапшой и молчаливый лавочник в гостинице, где мы остановились, - прежде все они бесчинствовали в Цзянху и были разбойниками. Оказавшись в одно время в отчаянном положении, они попросили у резиденции Цинцюэ милости и ныне нашли пристанище в этом городке, можно сказать, что они сторожат вход на гору Цзюли.

-Если они просто сторожат двери, зачем же они занимаются торговлей? У торговцев свои методы ведения дел, нехорошо идти в другую область и нарушать все правила, - Цай Чжао вздохнула как взрослая: - Естественно, я знаю, что в Цзянху трудно живется, тетя говорила, целый ряд великих героев в юности были внушительны и знамениты, но когда они получали ранения, становились искалеченными, старились, они оставались в печальном состоянии на склоне лет, непрестанно кашляя, ведь на самом деле испокон веков герой - это красивый молодой человек, и им никак нельзя быть старыми, убеленными сединами людьми.

Плечи Нин Сяофэн задрожали от смеха.

В это время, за экипажем, ученики громко закричали «Прибыли», все четверо из семьи Цай, поспешно выбравшись из повозки, обнаружили, что их повозка уже съехала с железных листов на землю. Цай Чжао поправила волосы и отряхнула юбку, весь ее облик говорил, что она незамужняя девушка, принадлежащая к слоям высшего общества, она подняла взгляд и увидела...

Девушка остолбенела, долгое время она была не в состоянии закрыть рот, даже не осознав, что ее родители и младший брат уже ушли далеко...

<http://tl.rulate.ru/book/104228/3854761>